

ЖИВАЯ СВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ

«...П ОЧЕТНАЯ ЗАДАЧА каждого композитора — завоевать великое право участвовать своим творчеством в строительстве коммунизма». Эти слова сказал однажды Эдвард Мирзоян, представитель молодого поколения армянских композиторов, автор «Сонаты для виолончели и фортепьяно», выдвинутой на соискание Государственной премии СССР.

Депутат Верховного Совета республики, народный артист Армянской ССР Эдвард Мирзоян всегда в центре музыкальных событий и общественной жизни страны: он возглавляет Союз композиторов Армении и ведет педагогическую работу в Ереванской консерватории.

Широкая известность пришла к Э. Мирзояну после исполнения его «Симфонии для струнных и литавр», написанной в 1962 году. Она получила высокую оценку музыкальной общественности и широкую известность не толь-

ко в нашей стране, но и за рубежом.

Два года назад Э. Мирзоян закончил свое новое произведение — «Сонату для виолончели и фортепьяно», трехчастное произведение.

Соната воспринимается как повествование о суровых событиях, вызывающих в памяти скорбные, трагические образы минувшего, мысли о самом суровом, глубоко пережитом.

Вступление вводит слушателя в атмосферу суровых и даже трагических настроений, подчеркнутых набатным гудением нижних голосов обоих инструментов. Здесь композитор использует мотив популярной армянской песни «Ераз» («Сон»).

Первая часть сонаты представляет ряд эпизодов, в которых текучее лирическое повествование в партии виолончели сменяется то страстно-взволнованным диалогом виолончели и фортепьяно, то настроенными тревогой, насторожен-

ности, переданными pizzicato виолончели.

Вторая часть — лирический центр сонаты. В ее основе две темы. В партии виолончели — трагически-скорбная, со сдержанной патетикой. У фортепьяно — тема сосредоточенного раздумья. В ней звучат интонации широко известного средневекового мотива в Dies irae, который ранее был использован многими композиторами как символ зла.

Третья часть сонаты отличается напряженным динамическим развитием. В ней наиболее ярко раскрылся национальный склад дарования композитора. Острые ритмы и стремительные взлеты мелодии напоминают звучание армянских народных инструментов и вызывают в воображении слушателя картины народного быта. Стремительность движения все более возрастает. В момент наивысшего напряжения появляется мотив вступления, возвращающий слушателя в круг первоначальных настроений и обрывает.

В целом это произведение отличается живой связью с традициями классиков и армянской народной музыки.

Г. НИКОЛАЕВА,
музыковед.

ИЗВЕСТИЯ
МОСКВА

9 ОКТ' 1989